
DUPLASTRE 47

ТАТЬЯНА СМИРНОВА-МАКШЕЕВА

Тайна Казбека

(Грузинская легенда в стихах 16-17 века)

В ТРЕХ ЧАСТЯХ

ПАРИЖ
1947

Напечатано в типографии «Наварр», в Париже, в 1947 году, в количестве 2.000 экземпляров обыкновенных и 200 экземпляров на меловой бумаге, нумерованных.

ОТ АВТОРА

Легенда "Тайна Казбека" составлена мною по воспоминаниям юности: я бывала на Кавказе, и у меня остались впечатления природы дикой, величественной и прекрасной, с благородным и гостеприимным населением.

Грозовые ночи, пережитые в горах, оставили в моей памяти неизгладимые картины.

Сюжет, вернее "скелет", легенды мною почерпнут от грузинки, княгини Б.; ее сын записал ее в Грузии по старинным преданиям.

Справившись по Энциклопедии, я нашла, что легенда эта может быть отнесена к XVI — XVII веку.

Почему я изложила стихами (рифмованной прозой) именно грузинскую легенду? Потому что из многих слышанных мною сказок и легенд, "Тайна Казбека" — одна из самых захватывающих. В ее герое я воспроизвела черты, свойственные кавказцам. Этому послужило увлечение моей юности...

Грузия, как одна из красивейших, по моему мнению, стран, вдохновляет на создание поэтических образов.

Я счастлива, что мой скромный труд послужит украшением ее — и без того прекрасной — диадемы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПАДИШАХ.

ПАДИШАХ в своем пышном дворце одинок, он страдает, томится тоскою...

Перед ним преклоняется в страхе Восток, он Армению гнет под пятою; в рабстве держит он Грузии вольный народ; им Иран покорен... его слава растет!

Но, обласканный щедрой судьбою, властелин изнывает тоскою...

* * * *

Его белый дворец утопает в цветах... майской ночью залит он луною... соловей рассыпается трелью в кустах, все окутано синею мглою.

Ароматны куренья, дымится кальян... в лунном свете таинственны тени....

Угнетаемый скукой, на мягкий диван Падишах опускается в лени. Равнодушно скользит по коврам его взгляд: он не видит лас-

кающих тканей и, в боях закаленный и верный булат не тревожит уснувших желаний.

Не глядит Падишах на танцовщиц нагих, — надоели их вечные пляски... а вокруг, как цветы на коврах дорогих, жены ждут и вниманья и ласки. Пыль алмазная блещет на юных плечах: то прохладные брызги фонтана загораются искрами в лунных лучах и сверкают в опале тумана.

Падишах не глядит и на жен молодых.... что ему их прекрасные очи? Пусть играет луна в их роскошных кудрях... пусть в глазах — сладострастие ночи! Он пресыщен... скучает... Мятежной душой он ни в чем не находит покоя, равнодушен и к славе и к жизни земной... он томится гнетущей тоскою.

* * * *

Ждет у ног властелина певец. Его взгляд, ловит взор или знак Падишаха. Своей песней старик угодить ему рад и в душе призывает Аллаха.

Подан знак. И тотчас-же, любимый певец ударяет по струнам чонгури*). Он — целитель души, знает тайны сердец, сам изведал

*) Чонгури (или чиангури) — древний музыкальный инструмент на Кавказе.

житейские бури! Под умелой рукой нежно струны звучат, словно льются жемчужные струи! Вдохновенным огнем загорается взгляд, и рождается песня, ликуя.

Падишах еле внемлет... тоскою об'ят, опустил он устало ресницы, скрыл за ними потухший, блуждающий взгляд... и кальян, им забытый, дымится...

Надоел ему славы лавровый венец.... его брови по-прежнему хмуры...

Но, не падая духом, любимый певец вновь ударил по струнам чонгури.

"Властелин! Я еще тебе песню спою... Этой песней тоску я развею твою! Или станет тебе жизнь, как прежде, легка, или слышишь в последний ты раз, старика!"

♦

Песня о Гиуле.

НА ВЕРШИНЕ Кавказа, над царством орлов, и над вечными льдами средь белых снегов (где ногой не ступал человек), там живет царь Казбек.

К услугам Казбека приставил Аллах всех

духов, живущих в горах, подвластны Казбеку туманы и тучи, обрывы и страшные кручи.

Владенья Казбека, от взоров людских укрыты в туманах густых.

Живет он в роскошном, хрустальном дворце, дворец — весь в садах, как в венце, — и башни прозрачные, чудо-чудес, сверкают в лазури небес.

* * * *

Охотой потешиться вздумал Казбек, на зверя рогатого сделать набег. Он в горы спустился в туманы и льды, где серн и оленей следы.

И вот, он увидел, охотясь в горах, цветок, умиравший в снегах; к нему наклонился; замерзший цветок из снежной могилы извлек.

— Такой красоты, (мне свидетель Аллах!) в моих не имею садах!

В свои он владенья вернулся, и вот к фонтану поспешно идет, растение сам, своей царской рукой, поит чудодейной струей, и, каждый расправив ему лепесток, дыханием греет цветок...

Вдруг чудо случилось! Под властной рукой растение тихо открылось, подернулось лег-

кой, алмазной росой и к жизни опять пробудилось.

Ликует Казбек: он не верит глазам, ласкает чудесный цветок и, тихо к своим прижимая губам, целует его лепесток...

Внезапно, под нежным лобзаньем он чувствует... страстный ответ и уст ароматных дыханье и женщины юной привет..... и видит Казбек пред собою — красавицу... солнце в кудрях играет волной золотою, а море — лазурью в очах. Уста — словно красные розы, а зубы — как жемчуг морей; в улыбке — неясные грезы и стан ее гибче стеблей; ресницы — что темные стрелы и тонкие брови дугой; упругое, стройное тело... в об'ятии нега и зной!

— Красавица, кто ты такая?! Откуда явилась ты мне? Тебя наяву обнимаю... иль это мне снится во сне? — в ответ слышен голос чудесный, — как будто волшебной струны, рукою коснулась прелестной жилица нездешней страны:

— Я — гурия! Рай Магомета был домом и родиной мне, а жизнь полна радости, света... что смертным лишь снится во сне! Зовусь я Гиула. Меж гурий жила я, не зная забот; средь вечной весны и лазури в раю мы вели хоровод...

Но в чудном селеньи Пророка, мне слышались звуки земли, и слов человечьих потоки, огнем мою душу зажгли! Мне — вой отдаленной метели и клич смертоносных боев, казались нежнее свирели, милей Магомета садов! Меня любопытство томило... сжимало волнение грудь, и странная, высшая сила влекла на заманчивый путь...

Решилась бежать я... Но только ступила за райскую дверь, как горькая доля земная меня поглотила, как зверь!

В ту ночь, как из рая ушла я, внизу бушевала гроза, и молнии, ярко сверкая, мои ослепляли глаза. Хлестал меня дождь; с диким воем, как бешеный, ветер летал, и гром, словно клич перед боем, отважно с небес громыхал.

С дороги я сбилась... насилу я шла, заблудилась в горах... меня ожидала могила в холодных, враждебных снегах.

Виновная гурия рая в цветок переходит немой и в этом цветке умирает, с закатом, вечерней зарей... и вот, я в цветок превратилась... очнулась от сна я, когда в об'ятьях твоих очутилась и к жизни вернулась тогда! Меня оживил ты — любовью... возьми меня в жены, Казбек!

— Клянусь тебе честью и кровью: с тобой не расстанусь во-век! — ответил ей царь. — О, Гиула! ты сразу пленила меня: как солнечный луч мне блеснула средь хмурого, зимнего дня!

* * * *

С тех пор, с этой гурией рая живет царь Казбек удалой, тоски и печали не зная, счастливый любовью одной!

♦

Воля Падишаха.

ОТБРОСИВ подушки, вскочил Падишах! Он вдруг загорелся желаньем; огонь засверкал в оживленных очах.... и он отдает приказанье:

— Певец, замолчи... ты мне душу зажег! Развеял тоску и кручину!. В груди пробужденных желаний поток возрос и теснит, как лавина!

Созвать моих слуг и пусть мчатся гонцы! Мой клич да услышат в с е страны! Пускай разнесется во все он, концы, — от Грузии вдоль до Ирана! Зову я джигитов, зову

удальцов! Богатство, почет обещаю тому смельчаку, кто в ответ на мой зов д о б у д е т м н е г у р и ю р а я!

* * * *

Сказал повелитель. Помчались гонцы. Призыв облетает все страны... в раздумьи внимают ему удальцы, от Грузии вдоль до Ирана.

Но тщетно в волнении ждал Падишах: смельчак не нашелся отважный, кто-б духам волшебным в пустынных горах, дать бой-бы решился, бесстрашный, кто-б жизнь молодую навек загубил в метелях и серых туманах, — не в честном бою против вражеских сил, — а в схватке неравной с шайтаном!

И снова в раздумие впал Падишах. Черны его мысли, как тучи, тоска разлилась в потемневших очах... властитель и злобен и скучен: ему не владеть красотой неземной! далекая гурия рая, дразня его жаркой обманной мечтой, навек ему будет чужая!

Мрачны его мысли, как бездны морей...

И вновь полетели гонцы: трубят, призывают, чтоб мчались скорей на подвиг лихой удальцы!

Молодой джигит.

ВЕСЬ в пыли, на полу распростерся гонец, и в поту его лоб и седины. Долго был он в пути и спешил во дворец, чтоб скорей доложить господину:

— Светоч - света! У ног твоих, преданный раб, приказания ждет властелина... я, в угоду тебе (хоть и стар я и слаб), отыскал молодого грузина. Он отважен и смел. Его имя — Ростом. Он душою и телом прекрасный. Чуть услышал твой зов, загорелся огнем и на подвиг решился опасный.

* * * *

Тотчас знак подает и велит Падишах, чтоб ввели молодого грузина. Луч надежды зажегся в усталых глазах; на лице исчезают морщины...

Входит юноша статный, прекрасный, как бог, словно тополь, могучий и стройный. Он бесстрашный джигит, самый меткий стрелок. Его взгляд и прямой и спокойный.

— Ты один лишь явился в ответ на мой зов! Твой порыв и высок и прекрасен... но

ты можешь погибнуть сред лютых снегов... подвиг труден... путь к цели опасен!

Если гурию мне ты достанешь, — тебе я богатство и почести дам. От тебя перемена зависит в судьбе: твое счастье добудешь ты с а м ! — испытуя его, так сказал Падишах.

Но ему отвечает грузин: — Нет! Судьба и победа не в наших руках: ими Бог управляет один! Я на подвиг готов... но не золота звон и не славу хочу я в награду... Я стрелок и джигит. Я свободным рожден. Для себя, — ничего мне не надо!

Стонет в рабском ярме мой несчастный народ. Ты его покорил. Твоя власть давит Грузии дух, и суров ее гнет и опасен, как львиная пасть!

Я уверен в себе. Мне поможет судьба. С чистым сердцем на подвиг иду я! Не страшны мне стихий раз'яренных борьба, ни смертельные их поцелуи. Моей веря звезде, на коне я, о д и н, разыщу тебе гурию рая... но, в з а м е н, вольность Грузии, в о л ю грузин, от тебя получить я желаю!

* * * *

Рассердился, вскочил и дрожит Падишах!

Он вскипает, как бурный поток! Гневно молнии вспыхнули в темных очах...

— Ишь чего захотел ты, щенок?! — вдруг одумался, сел и дрожащей рукой на пергаменте сам написал, что "в награду Ростому за подвиг лихой" он "свободу для Грузии дал"!

Перламутровый ящик затем он берет — сам в него тот пергамент кладет, и, замкнув его дважды узорным ключом, ключ грузину дает, грозно молвив:

— Ростом! Твоего возвращенья пусть Грузия ждет! Вольность Грузии, — видишь — готова... Но.... коль ты оплошаешь, — тогда уж мой гнет станет зверским, — не только суровым!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОСТОМ, МОЛОДОЙ ГРУЗИН.

Путь в горах.

Кто промчался стрелой средь обширных равнин? Кто взбирался на дикие скалы? Кто, как вихорь летел меж зеленых долин и смеялся при громе обвала?

Это всадник прекрасный на белом коне! Он все выше, без отдыха мчится и, сливаясь с седлом на своем скакуне, в даль летит, словно вольная птица!

Это — смелый джигит. Его имя Ростом. Ему чужды и робость и страх; на Кавказе с малейшей тропинкой знаком, родился он и вырос в горах.

Шашка с ним и кинжал, лук и полный колчан, с ними он ничего не боится: не уйдет от Ростома свирепый кабан; на лету убивает он птицу и шутя, острием своей меткой стрелы,

ранит на-смерть бегущего зверя, или падая камнем с высокой скалы, поражает кинжалом пантеру.

* * * *

Любит старый Кавказ своих верных сынов!

Он им дал грозных гор непреклонность, твердость скал, зренье мощных, надгорных орлов и могучего тополя стройность.

Гибкость дал тростника, что растет над водой, быстроту дикой лани в долине, храбрость тигра, бесстрашно ведущего бой и стремительность снежной лавины.

♦

Черный Всадник.

ТИХО вечер прохладный на горы упал. Из-за туч выплывает луна. Вдалеке завывает голодный шакал... жутко внемлет ему тишина. Ночь окутала землю таинственной мглой; затуманились линии гор. Полночь... Спят все в ауле за дальней скалой. В небе ярче стал звездный узор.

Вдруг из черных ущелий за темной горой раздалися рыданья и хохот... после ветер пронесся струей ледяной и коня запоздалого топот.

За скалой от аула (увидел Ростом), вырос Всадник, закутанный черным плащем. Он хохочет и бешенно мчится, на седло перекинув девицу. Она бьется о бок и о шею коня и кричит, заломив свои руки: — Помоги! Черный Всадник похитил меня! О, избавь от позора и муки! — За откинутой ветром чадрой кружевной, лик открылся прекраснее грез... на глазах, озаренных полночной луной, яркий след от испуга и слез...

Встрепенулся, за лук ухватился Ростом, стал он в тень с своим белым конем, и нацелясь на Всадника, в черную мглу он с молитвой пускает стрелу.

Просвистела стрела... и вернулась назад! Черный Всадник мгновенно пропал и на место его, отвратительный гад, извиваясь, пополз между скал.

— Это горные духи морочат меня! — так подумал Ростом и пришпорил коня.

Конь тряхнул шелковистою гривой и вперед устремился ретиво.

Опасная тропинка.

ЗА УТЕСОМ седым есть наверх поворот: там тропинка змеится до самых высот... Берегись! поскользнешься — рискуешь упасть в пропасть страшную, словно в звериную пасть!

А Ростом задумался глубоко... дума нежная гнала души покой: он грустил о Родине далекой, несся к ней крылатою мечной.

Никогда той тропинкой не ездил Ростом, но он с нею, со слов стариков, был знаком и слыхал, что ведет она в царство орлов, до туманов и вечных снегов.

Он по ней повернул. Его конь удалой осторожно ступал по камням, каждый шаг измеряя и тонкой ногой, прочность почвы исследуя, сам. Об утесы он бок ободрал; на скале белой шерсти оставил следы, но ушами прядя, он в полуночной мгле шел вперед и не чуял беды...

“О, Грузия моя, жемчужина Востока, Кав-
“каза гордого алмазная звезда! Я шлю тебе
“привет с любовью, издалека... с тобой душа
“моя всегда!

“Люблю тебя, твой быт трудолюбивый и
“твой язык, журчащий, как струи, Куры бли-

“стательной могучие разливы и строго-гор-
“дые обычаи твои!

“Люблю твои сады, где в тихий час заката, “пылает яркий цвет гранат и в изобилии, стре- “мится вниз по скату и вьется пышный вино- град...

“Там кипарисов ряд, раздумием об‘ятый... “цветов Кавказа пряный аромат... орешник “с розами сплетаются в об‘ятии, и льется “звонкий треск цикад....

“Я вижу ночь твою, что звездными лучами “сияет в белизне террас и плоских крыш.... а “ветер шелестит, чинар густых, шатрами, и “месяц серебрит задумчивый камыш...

“Твой воздух, как сапфир прозрачен в но- “чи синей! Я слышу, как привет мне шепчут “тополя, вдыхаю запах я, магнолий и глици- “ний, и вижу мирные, роскошные поля”....

Так думал он... а конский топот мерный, безмолвье гор ночное нарушал, и этот звук двоился эхом верным и несся вглубь в уще- лья между скал.

♦

Искушение духов.

ВДРУГ из пропасти темной, средь жути ноч- ной, крик раздался и взмахи бичей... стон...

рыданья... звериный чудовищный вой... лязг оков и бряцанье цепей...

Пламя яркое вспыхнуло красным огнем, развернулось могучим пожаром, и Ростома, с его задрожавшим конем, обнесло знойным ветром и жаром. Вместе с пламенем, взмылись кровавой волной, привиденья и страшные тени, в диком вихре кружились они под горой, в жуткой пляске змеиных сплетений... пели песню, носясь над нависшей скалой и кривляясь, вели хороводы... снизу — пламенем адским, а сверху — луной, освещаемы были уроды.

И среди привидений (вдруг видит Ростом) — Черный Всадник стоит и кровавым бичом, полон ярости, злости и гнева, жестоко истязует он деву... Рядом с нею — с е б я замечает Ростом! руки, ноги, забиты в оковы.... тут-же вороны кружат над павшим конем, с резвых ног его сняты подковы.

"Воротись! Ты судьбе своей будешь не рад!
"Ждут тебя испытанья, проклятья и ад!
"Здесь судьбы твоей ясно виденье...
"Воротись, чтоб избегнуть мученья!"

Так поют ему духи, так Всадник кричит.

Конь взвился на дыбы... в мыле весь, и дрожит!

Но ни духам, ни другу не верит Ростом; цепь к груди прижимает с заветным ключом, что хранил и берег, как святыню.

— Сгиньте, духи! уйдите в полночную тьму! Я завету лишь верен всегда, моему. Ваше место — в забвеньи, в пучине! — и бесстрашно глядит на виденья Ростом. Он глаза поднял к небу: там ярким лучом, как надежда, сияла звезда...

— Вот судьба моя! С ней я покоен всегда. Сгиньте-ж, духи, уйдите в кромешную тьму! Идеалу служу я, е м у одному! Пусть исчезнут ночные виденья в темной бездне людского забвенья! — так сказал он. Злой хохот раздался в ответ. Свет пожара внезапно потух; привиденья и тени умчались вослед... трижды крикнул в ауле петух.

В небе вспыхнув, зарделась, краснея, заря, серебром засверкали вершины, с древней башни, глубокою верой горя, раздается призыв муэдзина. Рой веселых лучей, солнце шлет с высоты; на траве высыхает роса; раскрываются, солнцу навстречу, цветы, и ночные молчат голоса.

В царстве орлов.

КАМНИ, скалы, утесы крутые жестким оком в пространство глядят; мох, лишайник и сосны кривые; в белой пене ревущий каскад. Низко свисли тяжелые тучи; вечный пар от густых облаков. Из ущелий глядятся на кручи гнезда горных, могучих орлов.

Здесь пустынно и тихо: никто не решится мощной птицы нарушить покой. На тропинке, что в скалах змеится, ни души не видали живой. Это место — преддверие вечных снегов — называется "Царством орлом".

....Чу! все ближе и ближе доносится топот... чей-то конь приближается к царству орлов! (слышен сосен встревоженных шопот и испуганный шелест кустов)... и орлы удивились на дерзость такую! Сторожа встрепенулись, и вот, бой с врагом и добычу почуя, три орла полетели вперед!

Но напрасно их ждали орлицы... три орла не вернулись назад! Испугались тут, гордые птицы, шлют к врагу посильнее отряд.

Между тем, за крутую укрывшись скалу и поставив коня за кустом, вслед — одну за другою — пускает стрелу, хладнокровно нацелясь, Ростом. И от каждой им пущенной

меткой стрелы погибает могучая птица... в смертной судороге падают на-земь орлы и трава алой кровью багрится...

Возле гнезд своих быстро кружатся орлы, совещаясь, летают, и самки их злы: громким криком сзывают птенцов, отомстить за погибших отцов!

♦

Поединок с орлом.

НАКОНЕЦ, прилетает и Вождь всех орлов: его вызвали горные птицы. Он — весь белый, живет среди вечных снегов, его взгляд, как на небе зарница! Он полнеба застелет могучим крылом. Его когти и клюв — что стальные! Его крик прозвучит, как заоблачный гром! Взмахи крыльев — как ветры степные!

Но уже у Ростома пустеет колчан и одна лишь осталась стрела....

Вдруг померк солнца луч и сгустился туман, наступила внезапная мгла: то в полете могучем своем, Вождь орлов, солнца свет от Ростома затмил и в горах далеко прозвучал его зов, полный мощных, воинственных сил!

— Выходи на последний, решительный бой! Мне подвластны вселенной орлы.... выходи! Вождь орлов будет биться с тобой, у подножья родимой скалы! — зов Вождя прокатился, как яростный гром и потряс вековую скалу.

Не страшась, в себя веря, выходит Ростом и последнюю метит стрелу...

Вождь орлов распростер свои крылья, клюв открыл, устремился вперед, когти выпустил в мощном усильи, на врага направляя полет....

Роковая стрела вылетала... тихий свист отмечал ее путь, и ее смертоносное жало вмиг вонзилось в орлиную грудь... и забила струя крови алой, развернулось, краснея, пятно, взмах крыла стал неверный и вялый и вокруг все казалось темно... Стон раздался. Стрелой пораженный, Вождь надгорных, могучих орлов, жаркой кровью своей обагренный, пал на ветви колючих кустов.

Подбегает Ростом, чтоб кинжалом злого недруга на-смерть добить.

— Стой, джигит! Смертоносное жало вынь из раны... оставь меня жить! Перед смертью я вижу и знаю: ты на подвиг отмечен судьбой... наша встреча была роковая... я таинственно связан с тобой. Ты мне враг. Но к

тебе я, как к другу, обращаюсь: тебе я готов оказать и почет и услугу... — так в бреду говорил Вождь орлов. Он об'ят был смертельной тоскою... И Ростом наклонился к орлу, миг один, — и он ловкой рукою из груди его вырвал стрелу, и к ручью поспешил, чтоб колчаном зачерпнуть из струи ключевой; он промыл врагу свежую рану, напоил его горной водой... пробудилось в душе состраданье, и с колючих ветвей снял орла.

Вождь вздохнул; воротилось сознанье и рассеялась смертная мгла. — Говори, что ты хочешь в награду? Можешь в мире богаче всех быть: мне известны все горные клады — для тебя прикажу их добыть!

— Нет, орел! мне богатства не надо... мне в другом твоя помощь нужна. Моя цель мне дороже всех кладов, то — Гиула, Казбека жена. Помоги победить мне бураны и достичь область неги и снов, где Казбека лазурные страны, где царит он средь вечных садов.

Вождь задумался... в жутком молчаньи загляделся в родимую даль, словно в будущем видел страданья и душой погрузился в печаль...

— Трудно дастся мне эта услуга... — так, вздохнув, отвечал Вождь орлов. — Но тебе я,

как лучшему другу, оказать ту услугу готов. Ослабел я от раны. С тобою вместе сяду на спину коня и ему все пути я открою: прикажи, чтоб он слушал меня!

♦

Область вечных снегов.

ПОЧЕМУ злые вихри гудели? Отчего вдруг сгустились туманы, с диким воем кружились метели и пути заметали бураны?

Всадник несся, и конь его мчался стрелой! Он летел и скользил сквозь туманы, несмотря на метелицы яростный вой и на вихрей летучих обманы.

Вот в просторе сыпучих снегов, ледяные пещеры и скалы...

— Берегись! — закричал Вождь орлов, — здесь опасность... я слышу обвалы!

Поздно! Смерть отделилась от ближней скалы, и, смеясь, показалась в лавине. Конь и всадник исчезли средь сумрачной мглы, утонули в холодной пучине.

Но Ростома за пояс орел ухватил, и, расправив могучие крылья, он, о ране забыв, не

щадя своих сил, его вытащил в мощном усильи.

Конь исчез... Но внезапно из бездны снегов раздалось его громкое ржанье, как последний призыв иль отчаянья зов, как предсмертное, в муках, прощанье!

Услыхав этот звук, вмиг очнулся Ростом, тотчас бросился к жуткой пучине... но ему оставалось: расстаться с конем, иль погибнуть в холодной лавине.

В ледяную могилу он вперил глаза. Был он горем, как громом убит. Первый раз ему очи застлала слеза: этих слез не стыдился джигит:

...."Конь мой, друг неизменный, мой конь удалой! Мы с тобой не избегли разлуки.... одинокий, ты гибнешь, об'ятый тоской, обреченный на смертные муки...

"Ты погаснешь один, средь враждебных снегов... не в ауле родном у дубравы, где под шопот и говор зеленых лесов, мы с тобою делили забавы.

"Конь мой, друг незабвенный, прощай навсегда! Тебе слышен-ли зов мой в горах? Мне тебя не заменит никто, никогда, ни в забавах, ни в трудных боях!"

И Ростому в ответ, замирая вдали, вновь почудилось слабое ржанье, словно друг, удаляясь от грешной земли, посылал ему тихо прощанье...

Содрогнулся джигит. В его смелых очах мигом всплыло ночное виденье, и в душе закаленной, не знающей страх, как змея, шевельнулось сомненье...

— Что-же буду я делать один, без коня?! Видно, в небе погасла звезда для меня? — он, предавшись унынью, поник головой.

Тут к нему обратился орел:

— Полно, друг мой, тужить! Ты отмечен судьбой: конь пропал — ты другого обрел! За твою доброту я тебя полюбил. Так садись мне на спину скорей. Я уже отдохнул, хватит воли и сил... скоро будешь у цели твоей!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КАЗБЕК.

Гиула, жена Казбека.

ВДАЛИ от волненья и бури, в стране легендарных чудес, раскинулся в нежной лазури, шатер бирюзовых небес. Там пруд отражает зеркальный, красу лучезарных цветов, и высится замок хрустальный в венке ароматных садов. Щебечут там райские птицы, фонтаны играют струей, над гротом каскад серебрится и мох оживляет седой.

А ночью, опаловым светом, луна заливает кругом и дремлют деревья, одеты в жемчужный убор с серебром. В мерцающем, ласковом блеске, шлют звезды на землю привет.... в аллеях дрожат арабески и с тенью мешается свет. На фоне травы изумрудной то вспыхнет, то гаснет светляк...

.....В такт музыки нежной и чудной, качается тихо гамак; прикрытая тканью воздушной,

лежит в нем Гиула-краса; по ярким, расшитым подушкам на землю спустилась коса.

Глядят на луну ее очи, и в очи ей смотрит луна; внимая молчанию ночи, Гиула мечтает, одна.

.....В уснувшем дворце все спокойно. Там спит беззаботно Казбек, колышется грудь его знойно, годов не заметен ей бег! Черны его кудри густые, румянец горит на щеках и чудные сны золотые улыбкой скользят на губах.

Казбек! Ты не спи безмятежно! В саду молодая жена... к чему своей думой мятежной так страстно стремится она?

Опять, как в раю Магомета, зовут ее даль и простор и ласковым манят приветом хребты затуманенных гор. Востока могучие звуки влекут, как волшебный магнит... душа изнывает от скуки, тревожное сердце горит!

Казбек, просыпайся скорее! Не спит молодая жена... мечты ей об'ятий милее и слаще покойного сна!

♦

Роковая ночь.

СНОВА ночь... появилась луна, отразилась в зеркальном пруду, заливает лучами она кущи роз и деревья в саду.

Оп'яняет цветов аромат... в страстной неге поет соловей... грезят розы.... Фонтаны журчат... чуть колышатся листья ветвей.

.....Во дворец, осторожным лучом, тихо в спальню луна заглянула. Спит Казбек, покорен крепким сном; рядом с ним разметалась Гиула.

Но не спит молодая жена... притаилась и ждет в тишине. Она грезит, печальна, грустна... не забыться ей в радостном сне!

Сквозь окно призывает луна... Оглянувшись на мужа, Гиула на ковер легкой ножкой скользнула и в чадру завернулась она. Задрожав серебристою тенью, обернулась и смотрит тревожно... молча встала... бесшумным виденьем из покоя скользит осторожно.

В темный сад, по узорным ступеням тихо сходит Гиула. Она ищет воли, прохлады и тени... вновь бежит от покоя и сна.

* * * *

Спит покойно Казбек. В его грезах сон чарующий, бред золотой: будто в лодке, с своей царицей, он плывет по реке голубой. Улыбается страстно Гиула, вся в истоме, любовью полна, и к плечу его нежно прильнула.. а вокруг расцветает весна...

....Царь Казбек! Просыпайся скорее! Сбрось, ты, чары волшебного сна... кто-то прячется в темной аллее... и твоя беззащитна жена....

◆

Похищение.

КОГДА гложет тоска и не спится, — нас влечет неизвестная даль и глубокая ночь-чаровница тихой сказкой развеет печаль.

Выйдя в сад, замечталась Гиула. Быстро ножки скользят по песку, сонный пруд она вмиг обогнула и несет свою дальше, тоску.

Почернели аллеи густые: от луны не доходит к ним свет. Темной шапкою, ели седые шлют беглянке из леса привет. Вот и дверца садовой ограды...

— Далеко я от дома ушла, — так сказала Гиула, и взглядом, испугавшись, вокруг повела.

.....Видит вдруг, что на темной аллее (где и днем незаметно, что день, где деревья сплелись, словно змеи), — промелькнула какая-то тень...

Раздвигаются ветви густые, чьи-то очи

сверкнули во мгле и могучие руки стальные, сжали грудь, пригибая к земле...

От врага отбивалась Гиула; как в оковы, сковал ее страх. Она очи закрыла... вздохнула... замер крик у нее на губах; затуманились воля, сознанье... ей представилось море в волнах и мерещилось бури рыданье... было душно, мутилось в глазах.

Наконец, все во тьме потонуло, луч последний бледнея, погас, и без чувств оставалась Гиула... может, вечность, а может быть — час.

Вдруг очнулась... лучистые очи заблистали сред темных ресниц, словно вспыхнуло, в бархате ночи отдаленное пламя зарниц.

.....Видит Гиула, внизу и с боков темное небо ночное. Сверху звездистый небесный покров, сияние льет золотое.

Слышны взмахи могучие крыльев, ветра свист раздается в ушах... хочет встать — но напрасны усилья! она в чьих-то железных руках. В синеве зачарованной ночи, видит: кто то склонился над ней и впились в нее темные очи... жжет их блеск словно пламя огней!

Задрожала всем телом Гиула....

— Где я! Что приключилось со мной? —

и от страха к кому-то прильнула, подчиненная воле чужой.

— Ты не бойся меня, я не страшен... (слышит голос в ночной тишине).

— Кто со мной? Ты жесток и опасен!

— Нет, Гиула... опасна ты мне! Я взбирался на дикие скалы, силу мерил с горами крутыми, снеговые изведал обвалы и растался с местами родными... Лунной ночью, загробные тени искушая, смущали меня — обещали проклятья, мученья! Моего загубил я коня...

Своему был я верен призванью: к цели путь мне открылся в горах и я все превозмог испытанья, силой воли рассеивал страх!

Но едва лишь на темной аллее предо мной т ы явилась, Гиула, моя кровь забурлила сильнее, прямо в сердце любовь мне кольнула!

Но я верен завету святому: обещая грузинам свободу, страшной клятвой поклялся народу... и народ мой п о в е р и л Ростому!

Лгать, душою кривить — не умею. Но душа обливается кровью: я отдам тебя в руки злодею... и пожертвовать должен любовью!

.....В этом странном, внезапном признаньи был порыв, много чувств затаенных... страсть

и нежность.... восторг и страданье, сильной воле мужской подчиненных.

....Жгла истома ликующей ночи... жег обхват богатырских об'ятий... жгли огнем пожирающим, очи....

На губах замирали проклятья и молчала безвольно Гиула.... Ей казалось, в мечте неземной, что т е п е р ь ее совесть уснула и пробудится к жизни и н о й !

♦

Пробуждение Казбека.

НОЧЬ усталая тихо бледнеет, ей пора уходить на покой. От улыбки зари, розовеют облака над лиловой горой. Золотится каскад водопада загораются скалы огнем; сон стряхнув, пробуждению рады, заливаются птички кругом.

Рассветает... румяное утро погасило на небе звезду, и фонтан засверкал перламутром у Казбека в волшебном саду.

Во дворец, сквозь ажурные арки пробирается луч золотой; поцелуем и свежим и жарким, он смущает Казбека покой.

Царь не спит, но ленивой дремоты он не в силах еще превозмочь. День несет суету и заботы, сон покойный дарует нам ночь.

И любимое имя Гиулы страстно шепчет Казбек в полусне... нет ответа! Она-ль не проснулась, или зов утонул в тишине?

Тишина! Лишь порою, случайно, ложью душу смущает она... но всегда глубока ее тайна и бездонна ее глубина.

Царь проснулся... но где-же Гиула? Он глядит на несмятое ложе, тотчас сердце сомненьем кольнуло и Казбек потрясен и встревожен...

Весь дворец пробужден его зовом!

Птицы в страхе умолкли в ветвях.... этот голос и грозный и новый, словно гром прокатился в горах!

....Шевельнулись туманы немые,
жутким воем завыли метели,
вихри вмиг поднялись, удалые,
ветры буйные вслед загудели!

Блещут молнии! Гром, громким рыком
горных духов зовет на подмогу...
все стихии, безумны и дики,
взбушевались, сплелись, бьют тревогу!

Собрались они темною тучей,
в черный смерч завились с облаками,
силой грозной, победной, могучей,
в смертной пляске летят над горами!

Раз'яренные, вспенились воды!
Их поток с злобным воем стремится!
В тихом ужасе внемлет природа...
притаились и звери и птицы...

♦

Светящаяся пещера.

ПРИ раскатах свирепого грома, в буйном вихре сгустившейся мглы, Вождь орлов и Гиула с Ростомом опустились у ближней скалы.

Там когда-то, в пещере глубокой, жил старик одиноко, святой, вдалеке от людей и порока, преисполненный мысли живой. Он всю жизнь посвятил на ученье, был он чужд суеты и грехов; его слушались звери в почтеньи, к нему птицы летели на зов.

Умер старец. Мерцающим светом вся пе-

щера светилась с тех пор, бурной ночью, манила приветом утомленного путника взор.

В урагане и мраке кромешном, Вождь орлов выбивался из сил, и к пещере направясь поспешно, своих спутников в ней он укрыл.

....Его рана внезапно раскрылась... как заря, угасал его взор; кровь из клюва по каплям сочилась...

Не взлететь ему больше в простор! Не видать ему скалы родные, ни задумчивый ход облаков, ни Кавказа вершины седые, ни в высотах парящих орлов!

— Здесь в пещере найдем мы спасенье, и Казбек не откроет наш след, — говорил так Ростом; но в волненьи перебила Гиула:

— О, нет! ты не знаешь таинственной силы, страшной власти Казбека царя! Нас с тобою поглотит могила до того, как займется заря... Но, Ростом, не страшна мне могила... моя жизнь, мое счастье — в тебе! На погибель тебя полюбила и своей покоряюсь судьбе.... Каждый миг, что с тобой проведу я, будет сладким, чарующим сном... и на казнь, и на пытку пойду я... лишь бы быть мне с тобою вдвоем!

— Замолчи... твои речи опасны! — поблед-

нев, отвечал ей Ростом. — Нарушение клятвы — ужасно... ты подумай, что будет потом?! Я ни смерти боюсь, ни мученья, но страшусь: погублю мой народ, если жертвой паду искушенья, что меня в твоей речи зовет...

— Знай, Ростом! Я, лишенья, невзгоды, все с восторгом с тобой разделю! Тосковала я долгие годы, и впервые, впервые, люблю! Посмотри на меня: я красива! знаю игры и чудные сказки... я пою и танцую на диво... сладким пламенем жгут мои ласки!

— Прочь, Гиула! Зачем искушаешь?! Ты, как демон, внушаешь мне страх... твоей речью рассудка лишаешь... скрыта гибель в безумных речах... замолчи!

....Замолчала Гиула, но губами прижалась к Ростому и к нему гибким телом прильнула... вся огонь... вся мольба и истома...

И джигит прошептал, задыхаясь: — Будь он проклят, тот день и тот час, как впервые мечтой загораясь, Падишаха я слушал приказ! Знай, Гиула: Казбек мне не страшен... ты мой враг! ты Казбека сильней... поцелуй твой, как яд, мне опасен, им лишаюсь я воли моей!

....Вновь в порыве безумном и жгучем, вся к Ростому прижалась Гиула...

Страсть вскипела потоком могучим и рассудок волной захлестнула... Пошатнулась тут сильная воля...

Только совесть еще не уснула, — хоть манила в истоме, к неволе, в страстной неге сгорая, Гиула... и в борьбе чуть владея собою, опаленный огнем наслажденья, он готов был поспорить с судьбою и з а б ы т ь о своем назначеньи!

....Но в тот миг, когда шопот влюбленный прерываясь, тонул в поцелуе, в л а с т н ы й г о л о с, вдали заглушенный, тишину вдруг прорезал, ликуя:

"...Твоего возвращения Грузия ждет!
Ее вольность — ты видишь — готова...
Но коль т ы оплошаешь, тогда уж мой гнет
Станет з в е р с к и м, не только суровым!"

Яркой вспышкой блеснуло сознанье... встал, шатаясь, как пьяный, Ростом, и, с подавленным, тихим рыданьем, крест с груди снял, с заветным ключом и сказал, уходя от Гиулы:

— Я всегда моей верен судьбе! Твои речи всю ложь всколыхнули... я погиб-бы, внимая

тебе! Но теперь уж, тебя не страшусь я: там, вдали, меня подвиг зовет! Без тебя, иль с тобой, возвращусь я, но спасу угнетенный народ!

Он замолк, и вдруг тьма наступила... свет лучистый в пещере погас, гром и грохот и гул от обвала, раздались, будто грозный приказ...

Мигом духи явились, и тени на крылатых примчались конях, а за ними шептуньи-старухи, ведьмы, с злобой в горящих глазах.

Темный смерч с сильным треском раскрылся: Черный Всадник, пылая в огне, гневный, страшный, средь молний кружился, на взбешеном безумном коне.

Он Гиулу схватил и Ростома!

Снова смерч завертелся столбом и в раскатах победного грома улетел, все сметая кругом.

♦

Ледяное царство.

В ПРОСТРАНСТВО небесной лазури, в страну обольстительных снов, влетели волненья и бури с потоком страданья и слез...

Они, своим жгучим дыханьем, сожгли все

деревья, кусты; умолкло фонтанов журчанье, завяли, поникнув, цветы.

Ударили крепко морозы; весна заменилась зимой, и пруд, где кружились стрекозы, покрылся корой ледяной.

Деревья оделись печально, как саваном, в иней седой; дворец стал невидим хрустальный, покрыт снеговою парчей.

Лишь громко стонали метели, носились они над землей, вернуть словно счастье хотели, рыданьем и страстной мольбой...

....Казбек изводился тоскою, метался он, будто в бреду, порой говорил сам с собою и сон забывал, и еду.

Он сгорбился; змеи-морщины ему бороздили чело; в кудрях серебрились седины и горе на сердце легло. Тяжелые брови нависли под скорбным, нахмуренным лбом... безумные, страшные мысли в очах загорались огнем... и ненависть бурным потоком вскипала в могучей груди!

В бессилии спорил он с роком и гневно кричал:

"...Обожди!"... он ждал. Жаждал крови и мести. Метался, как раненый лев. Рыдал над поруганной честью... был страшен, как смерть, его гнев!

Месть Казбека.

ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК ликующий, страшный, весь в огне пред Казбеком предстал и с улыбкой адской, ужасной, он на пленных в цепях, указал.

— Вот они! — он воскликнул, ликуя. — Я нашел их в пещере меж скал. Там сливались они в поцелуе... а у входа орел умирал! Я оставил его на с'еденье злым шакалам, что бродят в горах. Этих двух я привел. Твое мщенье, и у храбрых пусть вызовет страх!

Полюбуйся, Казбек, на джигита: как он молод! Ну, чем не герой?! Не одно, видно, сердце разбито этой жгучей его красотой! Исполняя каприз Падишаха, обещаньем его соблазнен, в своем рвеньи не ведал он страха: преуспел в воровстве чужих жен! Этот юный, заносчивый воин, дерзкой хитростью взял твою честь... утонченной он п ы т к и достоин: поручи м н е, Казбек, твою месть!

— Ну, а вот твоя "гурия рая" (усмехнувшись, он так продолжал), — она счастья искала, скучая, то в снегах, то в пещерах меж скал... и нашла его... в жарких об'ятьях!! Все забылось: и совесть... и честь...

Прикажи: ее стану пытать я... Поручи м н е, Казбек, твою месть!

Побледнев, зашаталась Гиула... Всадник страшен, нахмурен Казбек. На Ростома Гиула взглянула, с ним и с жизнью прощаясь навек; ей хотелось, в последнем прощаньи, его образ в душе сохранить, чтоб средь пыток, в жестоком страданьи, их связала последняя нить.

Но Казбек покачал головою. — Удались! — тихо он приказал. Духу бездны, своею рукою, властным жестом на дверь указал.

— Я твою не забуду услугу!

Всадник вышел, склонясь до земли, а Казбек повелел своим слугам, чтоб за ним они также ушли.

* * * *

На троне ледяном сидит Казбек угрюмый, в зловещей тишине, где каждый звук затих, где время медленно ползет за тяжкой думой, и молча смотрит он на узников своих.

Гиула мечется... она ломает руки. Молчанье мужа — хуже пытки, ей! Что он решил? Какие ждут их муки?? О, эта тишина... она кнута страшней!

Ростом спокойно смотрит на Казбека. На

в с е готов, он смерти ждет... и с милой Грузией прощается навеки, и в горестной тоске жалеет свой народ.

....Казбек заговорил. Но в голосе могучем ни гнева, ни грозы уж не было следа, как будто ураган его страданий жгучих, спалив их пламенем, умчался навсегда!

"Тебя предал бы я и пыткам и мученьям, но знай, Ростом, отмечен ты с у д ь б о й, и, гнев мой затая и жажду мщенья, с ч и т а т ь с я должен я с тобой!

"Решась на подвиг лютый и опасный, ты страх и искушенья превозмог. Ты любишь Родину... и цель была прекрасна... ты сделал в с е, что только мог!

"И подвиг твой в судьбе отмечен роком: для Падишаха, знай, пробил уж, смертный час! Не будет больше он владыкою Востока: когда ты был в горах, для жизни он угас.

"Но не настал желанный час свободы для Родины твоей. Пройдут еще года, пока зажатые насилием народы, отбросив гнет, воспрянут навсегда!

"Ты должен ж д а т ь, здесь в замке заключенный... ты будешь спать, подвержен чарам снов, пока избранником народа наре-

ченный, к спасенью Родины не будешь призван вновь!

"И Грузия твоя, как пышная царица, во всей красе могучей расцветет, за унижения воздастся ей сторицей и властвовать придет ее черед!"

* * * *

Царь увести велел Ростома. Он на Гиулу бросил взгляд, но этот взор, ей незнакомый, хлестал ее, как жесткий град!

....И вновь молчание, вновь мука ожиданья... в тоске нерадостной, как вечность, миг ползет... О чем он думает?! Он нем, как изваянье! Как можно вынести ей этот тяжкий гнет?

К Казбеку подошла, склонилась на колени, в глазах — горячая мольба... "О, пощади... прости! Не верь измене! В твоих руках моя судьба!" — Вселилась в душу ей надежда. Ей, избалованной, любимой с юных лет, казалось: все вернется, будет так, как прежде, внезапной бури заметется след!

....Но Казбек, отстраняя Гиулу, говорит: (в его голосе — сталь...) — Ты за что-же меня

обманула? Тебе счастья и жизни не жаль? Полюбуйся вокруг переменой! Ты убила любовь и мечту... своей лживой, коварной изменой уничтожила здесь красоту! Погляди, что случилось со мною: был я молод, а стал стариком... я лишился и сна и покоя и с тоской безотрадной знаком.

Нет мне счастья! Угасла и вера... не ожить, не воскреснуть им вновь...

Лишь в душе, полюбившей без меры, все-же тлеет под пеплом любовь...

Но не думай, что этим признаньем я себя в твою власть отдаю! Будет жизнь моя тяжким страданьем, — все-же, месть я исполню мою!

Ты внушаешь мне страсть и презренье... Презирая — тебя я люблю... На тебя я гляжу с восхищеньем... и с злорадством тебя погублю!

Красотой ты будила желанья... Красоту я оставлю с тобой, как источник тоски и страданья... бесполезной и вечно живой!

Ты словами лгала так красиво? Ими душу к себе, ты, влекла? Но они были в корне фальшивы; злая воля в основу легла...

Чтоб отныне, обманною речью никого ты прельстить не могла — в наказанье, н е м о й

б у д е ш ь вечно и словами не сделаешь зла!

Он сказал, — и внезапно Гиула перемену находит в себе: ее темная сила толкнула, подчиняя жестокой судьбе. Ее грудь потрясает рыданье... издает она жалобный крик, вместо речи — глухое мычанье и не служит ей больше язык!

Она бросилась к мужу... но сразу все исчезло в тумане густом, и слова ледяного приказа прозвучали во мраке ночном:

— Привести к ней Ростома! Пусть вместе от судьбы избавления ждут... жениху и коварной невесте дать свободу! Избавить от пут!

* * * *

Появляется ложе прекрасное, в львиных шкурах и мягких коврах. Это ложе — постель новобрачной — но Гиуле внушает лишь страх.

Она ждет, изнывая от муки... села, встала, прошлась... села вновь. Вдруг незримые, легкие руки с нее сбросили цепи оков... но Гиула свободе не рада! жжет сомненье, тоска давит грудь.. светлой радости, прежней услады не вернуть, н и к о г д а не вернуть!

Видит вдруг, что на белых ступенях в глубине появился Ростом. Бледен он, как загробные тени... и в руках держит крест он, с ключом. Безучастным, блуждающим взглядом по чертогу Казбека скользит и отравлен тоской, словно ядом... то не прежний отважный джигит! Его жизнь молодая мелькнула, он во власти волшебного сна... он глядит, — но не видит Гиулу и ему безразлична она!

А при виде Ростома, Гиула загорается пылким огнем, страсть вскипает безумьем разгула, — счастье, радость, блаженство — в с е в нем! Но едва только в жарких об'ятьях заключить его хочет она, — слышит хохот Казбека... заклятье... и встает между ними стена: вся прозрачна, как воздух весенний и в цветах, словно в рамке она, от растений колышатся тени... но, как лед, та стена холодна! Не пробьет ее меткая пуля, не разломит и кованный меч....

Эту стену года караулят, и в е к а ее будут стеречь!

* * * *

В наказанье, Гиула-царица, с той поры и до нынешних дней, ненасытною страстью то-

мится, беспредельной, как волны морей. Она видит сквозь стену Ростома... в беспробудный он сон погружен... но Гиулу сжигает истома и обидно, что холоден он! Ее грудь потрясают рыданья и порою чудовищен, дик, выражает бессилье страдания, ее громкий, мучительный крик!

ЭПИЛОГ.

ЛЕГЕНДА эта на Кавказе от старины жила седой. Ее там пел певец. В рассказе хранил старик и молодой.

И той легенде в подтвержденье, бывали случаи в горах: о них шептали с удивленьем... и толки те внушали страх...

Случалось, под-вечер ненастный, сбивались путники с пути и не могли, в судьбе злосчастной, дорогу верную найти.

....Тогда кружили их метели и в очи сыпала пурга, сплетаясь, вихри дико пели и заметали их снега....

И в час, где таяло сознанье, в предсмертной мгле, в миг роковой, к ним доносился вопль страданья Гиулы страстной и немой... они слыхали вздох Ростома... Казбека злобный смех звучал... и горный дух, в раскате грома, все эти звуки повторял...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

СЕДОЙ, нахмуренный, угрюмый Казбек, как встарь, меж гор царит. Об'ят он мрачной, скрытой думой и тайну вечную хранит.

Стоит он в поясе туманов, окутан шубою снегов, и, великан меж великанов, не замечает ход веков....

Т. Смирнова-Макшеева.

Ницца,
1946.

СОДЕРЖАНИЕ:

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris (13)